

DOI 10.32726/2411-3417-2022-2-84-93

УДК 94; 327

ЕЛЕНА ЛИНЬКОВА

Отечественные консерваторы XIX в. о войне и ее смыслах: «очищение», «необходимость» и «долг для государства»

Аннотация. Автор обращается к размышлениям российских консерваторов XIX в. о войне, что представляет особый интерес с точки зрения актуальных параллелей с современными спорами о перспективах и смыслах военной операции на Украине. Оценки войн, которые вело государство, всегда были своего рода призмой, сквозь которую проявлялось отношение к правительственному курсу. Особой вехой на пути к изменению восприятия войн в российском общественном сознании явилась Крымская война 1853–1856 гг. Одним из важных направлений в отечественной консервативной мысли становится тема как военного, так и ценностного противостояния России и Запада. В военных действиях Запада против России мыслители видели не только реализацию геополитических и экономических целей западного мира, но и борьбу идей, духовных установок, цивилизаций. При этом, как показывают рассуждения отечественных консерваторов в годы Крымской, русско-турецкой (1877–1878 гг.) и других войн, военные вызовы воспринимались как возможность реализовать исторически сложившиеся задачи, как мощный толчок для развития страны.

Ключевые слова: война, консерватизм, Россия–Запад, противостояние, внешняя политика, общественная мысль.

Специальная военная операция, проводимая на Украине, неминуемо вызвала широкий общественный резонанс как в самой России, так и за ее пределами. Дискуссии в СМИ, в экспертном сообществе, а также среди тех, кто по роду своей профессиональной деятельности совершенно далек от военной или дипломатической сферы, отличаются остротой и самыми разнообразными оценками. Подобная реакция вполне объяснима. Российское общество пытается осмыслить происходящее, размышляет над перспективами и глубинными смыслами военных действий. Подобное восприятие войн было свойственно и людям XIX в., о чем свидетельствует эпистолярное наследие представителей российской общественно-политической мысли данной эпохи. В настоящей статье предполагается обратиться к суждениям о войне, высказанным в XIX столетии, что позволит сопоставить их с современными размышлениями вокруг событий на Украине и выявить актуальные параллели.

Сведения об авторе: ЛИНЬКОВА Елена Валентиновна — доцент Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, e.v.linkova@yandex.ru.

* * *

Обращаясь к размышлениям о войне, свойственным для отечественных мыслителей XIX в., можно определить основные реперные точки, которые не теряют своей актуальности и в XXI столетии. Параллели напрашиваются сами собой в силу ряда причин. Во-первых, российское общество традиционно очень остро воспринимало и воспринимает любые изменения на международной арене, в которые была вовлечена Россия. Во-вторых, успех или неудачи на внешнеполитическом поприще, военные победы или поражения служили своеобразным маркером эффективности политики правительства. Не случайно военные неудачи приводили в России к социальной нестабильности и к переменам в правительстве, как это было, например, в 1807–1809 гг., после Крымской кампании 1853–1856 гг.¹, русско-японской войны 1904–1905 гг. и т.д.

Наконец, очевидно, что при всех изменениях на мировой арене современная Россия во многом сталкивается с теми же внешнеполитическими вызовами, которые имели место в XIX в. Восточный вопрос, противостояние со странами Запада, информационная война — эти вопросы, актуальные для страны в XIX столетии, нисколько не утратили своей остроты в современную эпоху.

Можно отметить, что образ войны начинает складываться в российском общественном сознании еще в XVIII в. Он отличался определенной идеализацией, свойственной, впрочем, не только для России, но и для западноевропейских государств. Подобная тенденция вполне соответствовала духу времени, эпохе классицизма и сентиментализма, когда война расценивалась как своеобразная борьба добра со злом и порой представлялась в полумифических категориях.

В первой четверти XIX в., в рамках активной внешней политики России и частых военных действий как главного средства реализации геополитических целей страны, в общественной мысли все больше дифференцируются концепты «войны» и «мира» в их историософском содержании. Причем, как справедливо отмечает исследователь Е.А. Вишленкова, «образованному обществу России начала XIX века было свойственно романтическое восприятие политики и «человека войны». Он мыслился победителем, а война осознавалась как открытая ситуация для реализации потенций героя» [Вишленкова, с. 101]. Кстати, читая мемуары французских офицеров времен Крымской кампании, можно обнаружить схожие мысли о войне, как о некоей аванюре, которая открывает возможности для карьерного роста и удовлетворения собственных амбиций [См., напр.: Линькова, Болливье].

¹ Притом нельзя утверждать, что данная тенденция свойственна лишь российскому государству и обществу. Например, в годы Крымской войны из-за политической борьбы и роста общественного недовольства произошла смена британского правительства. Премьер-министр Дж. Абердин был вынужден уйти в отставку, уступив место Г. Пальмерстону.

Подобное отношение к войне, типичное в эпоху Средневековья и сохранявшееся в XVII–XVIII вв., во многом было связано с тем, что войны велись на довольно ограниченной территории, военный контингент был невелик по сравнению с численностью войск, например, в XIX столетии (с каждой последующей эпохой численность армии, как и масштаб боев и театров военных действий, будут лишь возрастать). Определенной идеализации войны в русском обществе способствовали победы русской армии и флота под командованием А.В. Суворова и Ф.Ф. Ушакова, которые к тому же вселяли уверенность в том, что внешнеполитические задачи государства быстрее и эффективнее всего решаются военным путем. В общественном сознании существовала убежденность: сильная армия во главе с талантливым военачальником — это залог успеха государства в мировой политике. Интересно, что данная установка сохранила свою актуальность и в более позднюю эпоху, когда противоречия на международной арене все больше перемещались в дипломатическую плоскость. Однако при этом от дипломатов общество желало видеть продолжение тех побед, которых добились военные, а пересмотр военных итогов войны, сам переговорный процесс и, тем более, уступки мыслились в категориях поражения и даже предательства. Можно отметить, что вплоть до настоящего времени в обществе (причем не только в России, но и в странах Западной Европы и в США) присутствует убеждение, что любой компромисс, на который порой идет то или иное правительство во внешнеполитическом курсе, — это показатель слабости, а не стратегически выверенный шаг.

Возвращаясь к эволюции восприятия войны в российском сознании XIX в., важно отметить, что в результате антинаполеоновских войн и их живейшего обсуждения в российском и европейском обществе, в том числе в консервативных кругах, произошла четкая дифференциация терминов и понятий, которые непосредственно связаны с международной проблематикой. Имеются в виду такие концепты, как «война и мир», «баланс сил», «равновесие», «враг», и даже о том, что К. Хаусхофер, основоположник германской школы геополитики, впоследствии назвал «жизненным пространством».

В трактовке же ранних русских консерваторов речь шла скорее об исторической территории России, сфере ее жизненных интересов¹. В этой связи можно привести определение России, вложенное Ф.В. Ростопчиным в уста одного из своих героев: «Что была Россия прежде и что она теперь? И Днестр у нас течет, и Черное море у нас, и Балтийское, и Польша, и Крым, и Лифляндия, и Эстляндия, и Финляндия, и Курляндия, все в нашей меже. О, матушка Россия! Проволокли цепь детушки твои богатырскими руками; отмежевались живым урочищем; поставили вместо столбов памятники побед, вместо межника — могилы врагов твоих. Сто лет не была нога их на твоей земле, а теперь и ворон костей не занесет» [Ростопчин, с. 433]. В данном отрывке содержится важная составляющая консервативной концепции — представление о России не только как о стране с великим героическим прошлым, но и как о «жизненном пространстве», полученном в результате борьбы, в том числе с западным миром.

1 Схожие представления имел и Н.М. Карамзин, рассматривавший географию прошлого в качестве неотъемлемой части истории. Свою «Историю государства Российского» он начал именно с историко-географического очерка.

Вторая черта данной эпохи связана с изменением отношения к войне: романтическое восприятие постепенно уступало место «прозе жизни». В период Отечественной войны 1812 г. произошла консолидация общества, что привело к существенным сдвигам в мировоззрении российского дворянства. Данные перемены повлияли впоследствии на внутривнутриполитическое развитие страны, в то время как трансформация представлений о военных действиях определила развитие внешнеполитических концепций — в частности, понятийного аппарата, методов и стратегий. Война, особенно длительная, приводит к определенной усталости, а большие людские потери — к попыткам найти механизмы, которые могли бы предотвратить подобные конфликты. Не случайно заграничные походы русской армии, сражения коалиции в 1813–1814 гг. закончились Венским конгрессом, главным делом которого стала выработка инструментов мирного сосуществования. За антинаполеоновскими войнами последовала череда мирных общеевропейских конгрессов 1810–1820-х гг., создание Священного союза, причем мирные инициативы коснулись не только общеевропейских споров, но и Восточного вопроса, отношений с Османской империей.

Важной вехой на пути к изменению восприятия войн в российском общественном (особенно консервативном) сознании стала Крымская война 1853–1856 гг. Можно сказать, что к середине XIX в. пришло понимание некоего рокового и судьбоносного начала, которое сопровождает подобные события. Одним из важных направлений в размышлениях отечественных консерваторов становится тема противостояния России и Запада — причем противостояния как ценностного, так и военного. И в этом смысле оба эти аспекта были взаимосвязаны. В военных действиях Запада против России мыслители видели не только реализацию геополитических и экономических целей западного мира, но и борьбу идей, духовных установок, цивилизаций.

Для России, как полагали консерваторы, война с Западом не заканчивалась, она переходила из одной фазы в другую: от Наполеона к Революции и далее к Восточному вопросу. Причем и Отечественная война 1812 г., и противостояние революционным силам, и борьба за воссоздание Православного Востока были теми событиями, которые имели не столько экономический, материальный подтекст, сколько духовное, религиозное, идеологическое, нравственное начало. Так, войны против стран Западной Европы воспринимались как в контексте реального военного столкновения, так и в историософском смысле. В теоретических построениях консерваторов центральное место занимала парадигма «Россия — Запад», которая явилась отправной точкой для развития русской философии истории. Воплощением данной дуальной оппозиции в реальной политике как раз служили конфронтации, подобные Отечественной войне 1812 г. и Крымской кампании 1853–1856 гг. Столкновения России со странами Запада расценивались консерваторами как проявление традиционных противоречий, обусловленных исторически. Например, в 1854 г., со вступлением Франции в войну против России, П.А. Вяземский размышлял о том, что русскому народу вновь предстоит «очистить французский престол от засевшей на нем саранчи», а в «безумном озлоблении, которое пихает племянника (хорош племянник, курвин сын) [речь о Наполеоне III, племяннике Наполеона I Бонапарта] на Россию, есть какое-то предзнаменование, что

если не в славе, то в падении, Провидение готовит ему участь дяди» [Вяземский Старая записная книжка... с. 834].

Ф.И. Тютчев, как и многие славянофилы, приветствовал начало войны, т.к. верил, что Россия сможет, наконец, решить свои исторические задачи, поэтому о вводе войск в Дунайские княжества он писал как о событиях «столь важных и столь роковых, что никому из живущих ныне не охватить умом ни значения их, ни размаха...» [Тютчев Полное собрание сочинений, т. 5, с. 142]. И.В. Киреевский полагал, что подобные события свидетельствуют о «переломе эпох», когда «в настоящем и прошедшем не уходит, и будущее прежде прихода ощутительно», и «тайна веков слышна и Провидение видимо» [Киреевский, с. 327]. Подобные глубинные символы войны особенно ярко отражены в поэтических произведениях консервативных мыслителей. В стихотворении «Суд Божий» А.С. Хомяков называл войну «безумной борьбой», судом Божьим, а Россия представлялась «орудьем Бога» [Хомяков, с. 135]. Стихотворением «Орел России» встретил начало Крымской войны К.С. Аксаков, который, как и Ф.И. Тютчев, видел роковое предзнаменование в том, что война началась через 400 лет после падения Византийской империи.

Воспринимая начало войны как судьбоносное событие, консервативные мыслители искренне надеялись на победу России. Не случайно И.С. Аксаков, подытоживая успехи в войне с Турцией, писал: «Я доволен 1853 годом и по многим нравственным результатам для себя, а для общественной жизни по выдвинутым им вопросам, хотя бы по Турецкому!» [Аксаков Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, с. XX–XXI, XXIV].

Однако настроения в российском обществе начали заметно меняться со вступлением в войну против России Великобритании и Франции, которые еще до ввода флотов в Черное море выступили с явно антироссийскими лозунгами. Уже в январе 1854 г. П.А. Вяземский отмечал, что события на Крымском фронте начали «попахивать двенадцатым годом» [Вяземский Письмо Д.Г. Бибикову... с. 837], но надежды на благоприятный перелом в войне все же оставались.

Европейская дипломатия требовала от Петербурга прекращения военного конфликта с Османской империей, который, в случае победы российской армии, грозил привести к усилению России на Ближнем Востоке. В декабре 1853 г. М.П. Погодин писал о явно недружественных выступлениях французов и англичан. «...Западная логика выведет хоть кого из терпения: переведем на простой язык ее последние выходки. Помирись с Турками, говорит она России; вот примирительная нота, нами сообщена сочиненная; примите ее, но с тем условием, чтобы вы не толковали ее статей в свою пользу, а во вред себе... Или войте с Турками, проливайте свою кровь, источайте свои силы, побеждайте, но с тем условием, чтобы после победы вы отказались от всех своих выгод, не только настоящих, но и прошедших, полученных вашими предками, и предоставили решение нам, и мы устроим все ваши дела как можно полезнее для себя, а не для вас» [Записка историка Погодина... Л. 2]. Историк указывал на безграничное лицемерие британской и французской дипломатии, политику двойных стандартов по от-

ношению к России. «...Франция отнимает у Турок Алжир, Англия присоединяет к своей Ост-Индской Монархии всякой год почти по новому царству: это не нарушает равновесия, а Россия заняла Молдавию и Валахию, на время по слову Русского Государя... и нарушается равновесие» [Записка историка Погодина... Л. 2-об.], — с негодованием восклицал М.П. Погодин.

Помимо дискуссий о традиционных противоречиях России и Запада, Крымская кампания повлекла за собой размышления о войнах в истории России вообще, об их смысле, геополитических и историософских основаниях.

В середине XIX в. еще не утратили силу представления о войне как о единственно возможном способе решения внешнеполитических задач государства. В международной практике так и не было создано действенных механизмов предотвращения вооруженной конфронтации между государствами, а конгрессовый период показал свою несостоятельность.

В 1857 г. на страницах газеты «Молва» К.С. Аксаков размышлял о том, что «война часто является необходимостью и даже долгом для государства. Вместе с тем, требуя от народа разнообразных и необычных усилий, она будит в нем и нравственные, и физические силы и часто обновляет его существо». С одной стороны, мыслитель понимал, что «война... есть явление, противное существу духа человеческого, показывающее несовершенство его нравственного состояния». Но в то же время он вынужден был признать, что «человечество еще далеко от степени такого совершенства, и потому война еще нужна. Пусть, вырывая народы из обыденной колеи и становя их в необыкновенное состояние и отношение друг к другу, — война заставляет их короче узнать и самих себя, и друг друга» [Аксаков Эстетика... с. 389]. Крымская кампания, в свою очередь, была крайне важна тем, «что открыла... глаза на многое, обличила ложных друзей и указала истинных» [Там же].

Подписание Парижского мира 1856 г. стало новым этапом войны, только уже не силами армии и флота, а дипломатии. Еще до окончания военных действий в Крыму начались переговоры в Вене, в рамках которых союзниками, а точнее — австрийцами, были выдвинуты довольно жесткие требования в отношении России. П.А. Вяземский полагал, что нельзя соглашаться на условия противников и что даже «падение Севастополя и самого Кронштадта и Санкт-Петербурга не должно бы вынудить нас на принятие мира, оскорбительного для народной чести». Правда, он признавал, что «в нынешних обстоятельствах другого мира ожидать невозможно» [Вяземский Старая записная книжка... с. 862].

Интересно отметить, что в целом в консервативных кругах отношение к возможным переговорам было двояким. С одной стороны, присутствовало осознание того, что Россия окружена геополитическими противниками и «решительно не имеет доброжелателей между европейскими государствами» [Цит. по Бутаков]. Более того, страны Запада по-своему, в привычном и удобном для себя ключе трактовали суть русско-

турецкого конфликта, главной зачинщицей которого считали Россию с ее непомерными аппетитами. Причем уже в ноябре 1853 г. П.А. Вяземский писал о том, что планы англичан и французов по отношению к России самые жесткие: «французы допускают возможность, что флот их будет в Одесской гавани» [Вяземский Старая записная книжка... с. 823]. С другой стороны, опасение вызывала и полная неготовность Петербурга к подобному обороту событий, непонимание официальными властями масштабов надвигающейся катастрофы. Более того, МИД не менял своей риторики в отношении противников: «...мы все еще великодушничаем и любезничаем с Францией. Никогда дипломатия не доходила до такого евангельского смирения» [Там же].

Кстати, подобные настроения повторились и в 1878 г., после окончания русско-турецкой войны, когда далеко не все завоевания на полях сражений удалось зафиксировать на дипломатическом уровне. Известно, что итоги Берлинского конгресса вызвали в российском обществе «что-то вроде общественного траура» [«В пороховом погребе Европы»... с. 11], т.к. страны Западной Европы, используя определение И.С. Аксакова, «сорвали с России победный венец», а взамен дали «шутовскую с гремушками шапку» [Аксаков Речь... с. 6]. Мыслитель полагал, что виновником подобного положения были не только западноевропейские правительства, но и МИД России, который уступил требованиям противников.

По итогам Берлинского конгресса К.П. Победоносцев писал: «Русская душа не может ни за что помириться с мыслью о том, что настоящая Болгария, русская Болгария, отдана будет русским правительством на жертву туркам после того, что провозглашено было торжественно, после того, что совершено на Балканах нашими храбрыми войсками». Правительственная точка зрения на заключенный трактат представлялась малоубедительной и вызвала лишь еще большее раздражение. К.П. Победоносцев, казалось, выразил тогда общее настроение, которое буквально витало в воздухе: «Пускай дипломаты уверяют сколько угодно, что никогда еще не было заключаемо такого выгодного для России мира, — народ будет видеть в этом мире позор для русского имени, и я предвижу горькие бедственные от него последствия внутри России» [Письма Победоносцева к Александру III, с. 124]. Более того, он был уверен, что «украденная победа» может спровоцировать политическую нестабильность в России. Общество, неудовлетворенное итогами войны, способно «выплеснуть» это чувство в адрес и правительства, и императора. И речь не шла о революционерах и социалистах, в консервативных кругах также росло недовольство действиями МИД России. Представляется, что данное явление актуально для любой эпохи, в том числе и современной.

Перед Крымской войной Ф.И. Тютчев отмечал пугающую безответственность властей перед лицом войны: «Бьюсь об заклад, что и в день Страшного Суда в Петербурге найдутся люди, которые будут притворяться, что они ничего об этом не подозревают» [Цит. по Тютчев Стихотворения, с. 310]. Не менее удручающими были предчувствия Ю.Ф. Самарина, который еще в 1851 г. писал К.С. Аксакову: «Корабль, на котором мы все стоим, тонет — я в этом твердо уверен, ничто не спасет его» [Цит. по Цимбаев Историософия... с. 435]. И так, одной из составляющих размышлений о войне в кругах кон-

серваторов, было ощущение несоответствия масштаба войны действиям официальных властей. Понимание данной тенденции вызывало большую тревогу, особенно усилившуюся в 1854–1855 гг. В этот период в консервативном дискурсе появился новый аспект: поиск положительных элементов даже в тяжелой военной и международной обстановке. И среди таких можно выделить следующие: война может быть «очищением», «обновлением» и неким импульсом для развития страны.

Крымская война и Парижский мир явились переломным моментом, стали одним из мотивирующих факторов для крупных реформ в России, а также для трансформации ее внешнеполитического курса. Не случайно в переписке с канцлером А.М. Горчаковым Ф.И. Тютчев последовательно излагал свою точку зрения на новый внешнеполитический курс России [Тютчев Ф.И. Письма князю Горчакову...], надеясь на серьезные изменения его основных принципов, главным из которых должно стать следование национальным интересам, а не принципу легитимизма и интересам верховной власти.

Помимо внешнеполитических аспектов, Крымская война повлияла на внутривнутриполитический курс Александра II, явилась своего рода «увеличительным стеклом», в котором с особой силой проявились назревшие проблемы социально-экономического характера. Как полагал Н.И. Цимбаев, славянофилы в своих оценках Крымской войны были солидарны с либералами, а «осада Севастополя в глазах славянофилов означала, что пришло время лечить “внутренние язвы”» [Цимбаев Историософия... с. 350]. Симптоматичными, с точки зрения историка, являлись суждения А.И. Кошелева, касающиеся событий 1854 г.: «Высадка союзников в Крым в 1854 г., последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя нас не слишком огорчили, ибо мы были убеждены, что даже поражения России сноснее и даже для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время» [Цит. по: Цимбаев Историософия... с. 350]. Хотя будущее виделось довольно туманно, но мысль о смене вектора во внутреннем и внешнем курсе давала определенные надежды на позитивные перемены. «Не случайности, не человеческие неразумения, а сам Господь наказывает нас за наши грехи, и наказанием хочет пробудить в нас заснувшие нравственные силы» [Киреевский, с. 327], — отмечал И.В. Киреевский, воспринимавший войну как некое очищение.

Схожую мысль можно встретить и у Ю.Ф. Самарина, который, анализируя причины поражения России, отмечал: «Мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием». Вот почему, полагал он, чрезвычайно важно «обратиться на себя самих, исследовать коренные причины нашей слабости, выслушать правдивое выражение наших внутренних потребностей и посвятить все наше внимание и все средства их удовлетворению. Не в Вене, не в Париже и не в Лондоне, — а только внутри России завоюем мы снова принадлежащее нам место в сонме европейских держав; ибо внешняя сила и политическое значение государства зависят... более всего от цельности и крепости общественного организма» [См.: Цимбаев Славянофильство, с. 199].

Собственно, начавшаяся вскоре после Крымской войны эпоха «великих реформ» как раз и свидетельствовала о необходимости внутреннего переустройства России. И данное обстоятельство уже четко осознавалось не только в обществе, но и в правительственных кругах. Модернизация страны ради сохранения государства, суверенитета, территорий, сфер влияния на международной арене — вот те вопросы, которые стали особенно острыми в российском консервативном дискурсе в 1850–1860-х годах.

Представляется, что размышления отечественных консерваторов вокруг военной тематики являются своего рода призмой, сквозь которую проявляется отношение общественно-политических деятелей к правительственному курсу как во внутренней, так и во внешней политике. Война дает пищу для дискуссий, подкрепляет или развенчивает определенные ожидания, актуализирует те вопросы, которые ставились обществом, но в условиях мирного времени не являлись столь острыми.

На примере рассуждений отечественных консерваторов в годы Крымской, русско-турецкой (1877–1878 гг.) и других войн стоит обратить внимание на тот факт, что военные вызовы воспринимаются как возможность реализовать исторически сложившиеся задачи, как мощный толчок для развития страны. Кстати, подобные оценки в консервативном дискурсивном поле относились не только к войнам, современниками которых были сами мыслители, но и к войнам предшествующего периода, т.е. XVIII столетия. Например, рассматривая внешнеполитический курс Петра Первого, М.П. Погодин отмечал, что Северная война 1700–1721 гг. привела к развитию промышленности, науки, к созданию заводов и секторов экономики. Война способствовала модернизации системы образования, трансформации государства, что помогло защитить его суверенитет. Поэтому война, как показывает пример петровской модернизации, — это время возможностей, а не только тяжелых потерь и разрушений. Однако для того, чтобы использовать сложившуюся военную обстановку на благо страны, официальные власти должны четко дифференцировать внешние угрозы, понимать запросы, существующие в обществе, чувствовать настроения и ожидания, учитывая их при принятии как военных, так и дипломатических решений.

Литература

- Аксаков И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М. 1892. Т. 3.
- Аксаков И.С. Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном обществе. Берлин. 1878.
- Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М. 1995.
- Бутаков Я. Погодин Михаил Петрович // Правая.ru. 18.08.2004. — URL: pravaya.ru/ludi/450/820 (дата обращения 17.07.2019).
- «В пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М. 2003.
- Вишленкова Е.А. Война и мир в контексте внешней политики России начала XIX века // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов. 30 мая — 1 июня 2002 г. Саратов. 2002.
- Вяземский П.А. Письмо Д.Г. Бибикову. Карлсруэ, 28.01.1854 // Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1877. М. 2003.

- Вяземский П.А.* Старая записная книжка. 1813–1877. М. 2003.
- Записка историка Погодина М.П. о международном положении России и русско-турецких отношениях. 7 декабря 1853 г. // ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 206.
- Киреевский И.В.* Избранные статьи. М. 1984.
- Линькова Е.В., Болливье М. де.* Французская историография Крымской войны (1853–1856 гг.): основные направления и тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. №1. С. 240–253.
- Письма Победоносцева к Александру III. М. 1925. Т. I.
- Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на красном крыльце. М. 2014.
- Тютчев Ф.И.* Письма Тютчева Ф.И. князю Горчакову А.М. на франц. языке (21 апреля 1852 г. — 3 ноября 1871 г.) // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 726.
- Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. М. 2002–2005. Т. 5.
- Тютчев Ф.И.* Стихотворения. М. 1935.
- Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы. Л. 1969.
- Цимбаев Н.И.* Историсофия на развалинах империи. М. 2007.
- Цимбаев Н.И.* Славянофильство. М. 1986.